

УДК 902/903
ББК63.4
П78

Проблемы первобытной археологии Евразии
(к 75-летию А.А.Формозова)

Сборник статей

Редакторы и составители:
В.И.Гуляев, С.В.Кузьминых

Рецензенты:
Н.Я.Мерперт, И.С.Каменецкий

*Утверждено к печати Ученым
советом Института археологии РАН*

Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-П78
летию А.А.Формозова). Сб. статей / Ред. и сост. В.И.Гуляев
и С.В.Кузьминых. - М.: ИА РАН, 2004. 260 с, илл.

ISBN 5-94375-020-7

Сборник включает статьи археологов, антропологов,
историков и лингвистов, в которых обсуждаются раз-
личные аспекты изучения истории отечественной архео-
логии, проблемы археологии каменного и бронзового
веков и первобытного искусства.

УДК 902/903
ББК63.4

ISBN 5-94375-020-7

© Институт археологии РАН, 2004
© В.И.Гуляев, С.В.Кузьминых, 2004
© Авторы, 2004

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Среди множества проблем, которыми занимался Александр Александрович Формозов и которые удивляют нас своим разнообразием, не первое, но заметное место занимает проблема этики археологического исследования.

Кажется, первой крупной публикацией А.А.Формозова, посвященной этой проблеме, была статья «О критике источников в археологии» {Формозов 1977, с. 5-14}. Слова «этика», «мораль», «нравственность» не были в ней употреблены, за единственным исключением - выражением «неэтичный поступок». Но автор этих строк (а я был в 1977 г. двадцатипятилетним выпускником аспирантуры Института археологии АН СССР) хорошо помнит, что и на меня, и на некоторых других археологов нашего поколения статья Формозова произвела очень большое впечатление именно как призыв к честной, подлинно научной работе.

Почти не прибегая к этическим терминам, А.А.Формозов верно описал те негативные явления в отечественной археологии, которые были очевидны, во всяком случае для него, уже тогда. Эта «ранняя постановка диагноза» проявляется, например, в утверждении о том, что при недостатке полных публикаций материалов раскопок «единственным источником информации для нас порой остаются тезисы, выдвинутые без сколько-нибудь развернутой аргументации, декларации, не поддающиеся никакой проверке» {Формозов 1977, с. 12}.

Прошло более двадцати лет, и Я.А.Шер вновь справедливо обратил внимание на «тезисную археологию» - «еще одну беду» и «второе (после охарактеризованной им же «прорабской археологии» - В.К.) знаменательное явление современной археологии». Шер дает язвительную оценку этому кризисному симптому: «Разливанное море бездоказательных тезисов докладов, а фактически - ротапринтных брошюрок, часто с плохо читаемым текстом, как правило, без научного аппарата и без иллюстраций, заполонило биб-

лиографию археологии последних лет. Чего стоит эта литература, мы рано или поздно поймем, но пока она служит только для приумножения списка трудов авторов. Здесь произошла, как и в других сферах, подмена одного другим» {Шер 1999, с. 18}. Все верно, но зачем связывать появление этого «разливанного моря» с «последними годами»? Для Формозова данный симптом был очевиден по крайней мере до 1977 г.

«Тезисная археология» - лишь один из кризисных симптомов, зафиксированных А.А.Формозовым. В тексте его статьи можно выделить еще несколько указаний на негативные явления.

Во-первых, «старые материалы, описанные непрофессионалами (дореволюционными дилетантами - В.К.), некритично используются современными археологами» {Формозов 1977, с. 8}.

Во-вторых, широкое распространение «тенденции извлекать из материала гораздо больше, чем он может дать в действительности». Тенденция уже тогда проявлялась в том, «что в археологической литературе достаточно обычными стали стремление получить от материала неизмеримо больше, чем в нем на деле содержится, и манера изложения, при которой читатели не в состоянии проверить степень обоснованности выводов автора». И уже тогда Формозов видел, что «перед нами черта, свойственная не какой-то небольшой категории ученых, а очень многим из них», причем среди «многих» - специалисты различного авторитета, возраста и т.п. А объединяло их «убеждение в том, что при отсутствии надежных фактов надо использовать любые другие, хотя бы и крайне сомнительные, а не воздерживаться от выводов и сказать, что вопрос пока решен быть не может» {Формозов 1977, с. 8,9}.

В-третьих, низкий уровень культуры научной критики. А.А.Формозов имел в виду прежде всего критику источников. Но в принципе

этот симптом можно рассматривать шире: как недостаточный уровень научной критики вообще, а в частности - как ситуацию, в которой, за немногими исключениями, на конференциях и журнальных страницах отсутствуют подлинные дискуссии с участием сторонников всех точек зрения и с окончательным выяснением позиций специалистов по той или иной проблеме {Формозов 1977, с. 12-14}.

В-четвертых, симптом или, быть может, вернее - синдром, который можно именовать «доменизацией». Это широко распространенное явление можно определить как занятие специалистом или небольшой группой специалистов некой вполне определенной ниши - региональной, регионально-хронологической, регионально-культурной и т.п., со всеми неминуемыми «прелестями монополизации». Формозов описывал этот синдром так: «Он отражает положение, сложившееся в археологии, когда считается наилучшим каждому иметь свой «домен», где можно делать все что хочется и где никто не в праве контролировать твою деятельность. Коллеги должны принимать твои выводы на веру. Если же кто-нибудь в чем-либо усомнится и пожелает познакомиться со всей твоей аргументацией, то это неэтичный поступок, предосудительное вторжение в чужую область. Высказываясь по какому-нибудь сложному вопросу, лучше не вступать в полемику со своими предшественниками, а сделать вид, будто кроме тебя никто этим вопросом не занимался» {Формозов 1977, с. 13}.

А.А.Формозов попытался вскрыть и причины этих отрицательных тенденций. Как можно понять из текста статьи, речь в общем идет о «глубоких психологических корнях»: «Жизнь ученого коротка, а океан знаний безграничен, неисчерпаем... Отсюда и тяга к обобщениям, даже в тех случаях, когда данных для этого мало, преувеличение ценности добытых тобой материалов, смелые гипотезы, яркие концепции, претендующие на объяснение сразу всех узловых проблем». К этому прибавляются неравномерная археологическая исследованность нашей обширной страны, разбросанность и труднодоступность археологических коллекций, сравнительная редкость полных публикаций археологических раскопок, элементарная неопубликованность огромных массивов археологических памятников.

Отрицательную роль играла и продолжает играть та историзация или историзированность,

от губительного воздействия которой отстаивали археологию Л.С.Клейн и другие сторонники источниковедческого статуса нашей дисциплины. И тут нельзя еще раз не отметить критическую прозорливость А.А.Формозова, определившего эту поверхностную, искусственную, натужную историзацию как «опаснейшее явление»: «Кое-кто считает, что кажущуюся оторванность археологии от современной проблематики, ее «неактуальность» можно возместить только широтой постановки проблем, яркостью бегло набросанных картин, смелым решением труднейших задач. Поэтому нередко предпочтение отдается не тщательным отчетам о раскопках, не скрупулезному анализу керамики или кремневых орудий, не публикациям, а обобщениям, сенсационным выводам, освещению проблем этногенеза народов СССР, монографиям, названным «Древняя история»... Так стремление издавать не столько факты и отчеты о раскопках, сколько исторические обобщения, защищать в качестве диссертаций не классификации материала, а «главы древней истории» привело к опаснейшему явлению. Подрывает историческую базу наших исследований. В науку проникает показуха» {Формозов 1977, с. 9-12}.

Могут ли все эти явления рассматриваться с точки зрения этики - разумеется, профессиональной этики научного работника? Конечно, могут, потому что они и являются по существу нарушениями хорошо известных и вполне конкретных профессиональных этических норм. Критическое сопоставление этических норм и их нарушений - при известной распространенности образующих отрицательные тенденции в науке - является сравнительно простым занятием, настолько простым, что в нем можно использовать оценки вроде «хорошо» и «плохо». Об этом писал, конечно, с необходимыми оговорками, и Формозов: «На первый взгляд кажется, что речь идет об элементарных вещах: ученые должны более строго относиться к используемым материалам, тщательнее аргументировать свои выводы, оговаривать все спорные моменты и т.д. Одним словом, надо делать хорошо и не надо плохо» {Формозов 1977, с. 9}.

Сегодня очевиден контраст между серьезностью поставленных А.А.Формозовым в 1977 г. проблем и практическим отсутствием равноценных опытов дисциплинарной реф-

лекции. В общем статью 1977 г. постигла «участь Кассандры», так что автор мог бы и сейчас повторить тогдашний минорный тезис: «Самое печальное при этом то, что существо вопроса совершенно не осознается многими археологами» {Формозов 1977, с. 11}.

Это не означает, что рефлексия абсолютно чужда археологам. Например, одной из рефлексивных функций научного сообщества является историография - реконструкция истории научной дисциплины, изучение опыта предшественников и т.п. И здесь мы можем вспомнить другую важную публикацию Формозова - статью «Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии» {Формозов 1975, с. 5-13}. Эта статья, а еще более собственные многолетние историографические занятия ученого стали, вероятно, основным стимулом наблюдаемого в последние десятилетия «историографического ренессанса» в российской археологии. Впечатление такое, что десятки коллег пробудились и неожиданно обрели вкус к историографии собственной науки. Сотни печатных работ - монографии, антологии, разнообразные обзоры, персоналии, истории археологических учреждений и отдельных экспедиций, мемуары, публикации архивных материалов, статьи и заметки по частным историографическим вопросам в считанные годы составили солидную библиотеку, сам обзор которой уже затруднителен, но отраден для тех, кто понимает важность рефлексии в развитии науки.

Совершенно иначе обстоит дело с анализом негативных явлений в современной археологии и с разработкой проблем профессиональной этики. Публикаций здесь немного. При этом они не являются масштабными, системными аналитическими обзорами, а в основном касаются частных вопросов.

Так, уже цитированная статья Я.А.Шера посвящена преимущественно проблемам подготовки археологических кадров. Позиция автора весьма своевременна, принципиальна и конструктивна. Он отказывается присоединиться к «хору плакальщиков» о «более чем недостаточном бюджетном финансировании» и обращает внимание на внутренний кризис науки: «Да, действительно бюджетных средств совсем мало. Но увеличение финансирования сейчас, без программы изменения качества образования и науки не просто не поможет делу, а породит ситуацию «черной ды-

ры», в которую будут бесследно проваливаться деньги...Сокращение бюджетного финансирования на образование и науку - тяжелый удар, но не смертельный. Рано или поздно оно начнет расти. Однако намного более тяжелые последствия ждут науку, если к моменту, когда начнут расти ассигнования, она окажется в состоянии качественной деградации» {Шер 1999, с. 18,20}.

Поскольку современный кризис имеет серьезные внутренние причины, то Шер рекомендует научному археологическому сообществу «самолечение» «в трех направлениях: образование, наука, этика». Под первым он подразумевает повышение качества специализации студентов на кафедрах археологии, под вторым - «включение студентов в реальную научную работу». В общем верно Я.А.Шер характеризует и «третье направление»: «Вместе с усвоением знаний и приобщением к науке студент должен усваивать нормы профессиональной этики. Они не всегда сформулированы явно. Например, есть «Кодекс профессиональной этики музейного работника», зафиксированный в специальном документе ЮНЕСКО, но нет такого кодекса для археолога. Однако нормы есть, и честные профессионалы всегда их соблюдают. Главное здесь не столько декларирование этих норм, сколько их неукоснительное соблюдение» {Шер 1999, с. 19,20}.

Однако, если есть острая необходимость в «неукоснительном соблюдении» этических норм, то почему их нельзя «декларировать»? Шер утверждает, что в имплицитном, скрытом в головах «честных профессионалов» виде этические нормы есть, но сетует на то, что нет этического кодекса для археологов. Что же тогда помешало Я.А.Шеру - одному из наиболее образованных и имеющих вкус к теоретизированию российских археологов разработать такой кодекс и включить его в известный учебник {Мартынов, Шер 1985}?

В отсутствие собственно археологического этического кодекса «честные профессионалы» вынуждены обращаться к упомянутому Шером международному документу. Точное его название - «Кодекс профессиональной этики ИКОМ (Международного совета музеев)». Он был принят еще в 1986 г., в 1989 г. издан на русском языке (Международный совет музеев 1989), по инициативе «честных профессионалов» еще раз опубликован в археологическом

издании Азовского краеведческого музея (Международный совет музеев 2001, с. 374-393).

Ранее при попытке осветить проблемы этики в археологии мне пришлось цитировать еще один похожий документ - «Профессиональный кодекс социолога» (1988; Коренько 1994, с. 14). «Кодекса профессиональной этики российских археологов» как не было, так до сих пор и нет...

Такой кодекс может быть плодом только коллективных усилий, результатом работы группы тех специалистов, которые осознают наличие кризиса и способны выявить отрицательные явления. Тогда перечень кратких характеристик кризисных симптомов и кодифицированные этические нормы составят зеркально-симметричную пару. Список норм отражает актуальные и потенциальные опасности, а фиксация нарушений норм позволяет судить о масштабе кризиса. Это и есть залог системного и конструктивного подхода к проблемам.

Когда же нет кодекса профессиональной этики, то и нарушения якобы «всем известных», но почему-то до сих пор не «декларированных» норм обнаруживаются случайно, фрагментарно, часто в форме конкретных разрозненных наблюдений рефлексирующих авторов.

Так, Я.А.Шер в уже цитированной статье кратко характеризует лишь два кризисных явления. Кроме уже описанной «тезисной археологии», он называет «прорабскую археологию»: «Удовлетворение социального заказа на обеспечение новостроечных раскопок специалистами, как и во многих других сферах нашей жизни, основывалось не на упреждающих прогнозах и планах, а на принципе «давай-давай». В результате получилось так, что многие молодые в 60-70-е годы археологи научились вести грамотные раскопки и писать приемлемые отчеты, но не успели научиться видеть за лавиной нового материала культурно-исторические проблемы и осмысливать их. Раскопки ведутся, находки оседают в лучшем случае в музеях, а чаще - в камералках и на неопределенно длинный срок. Отчеты складываются в отделе полевых исследований, а до самого главного - до полной публикации найденных материалов с квалифицированным авторским комментарием руки не доходят. Вместо полных публикаций срочно (к очередной конференции) пишутся и печатаются тезисы докладов» (Шер 1999, с. 18).

Небольшая публикация М.Ф.Косарева (1994, с. 12-16) имеет «широкое» название «Археология и нравственность». Это справедливый эмоциональный протест против «бульдозерной археологии», против «фронтального истребления памятников» и прежде всего тех, которые отнюдь не нуждаются в срочных раскопках и должны быть сохранены. Проблема действительно существует, она имеет морально-этический смысл и охарактеризована Косаревым многогранно. Но она - лишь одна в том множестве проблем, которые могли быть исследованы в пределах заявленной автором темы.

К сожалению, во многих случаях, когда археологи пытаются размышлять о проблемах научной этики, они не учитывают того, что этика является не совокупностью туманных рассуждений, не потоком умозрительного «говорения», а одной из гуманитарных наук. В качестве таковой этика - обособленная отрасль философского знания, со своим понятийным аппаратом и огромной специальной литературой. Кроме того, многие этические проблемы имеют междисциплинарный характер, и их изучение невозможно без выхода в сферы права, психологии и других наук об обществе и человеке.

Специалист - археолог, не учитывающий этих обстоятельств, рискует прийти к ошибочным суждениям. К сожалению, поучительным примером этого служит одна из публикаций самого А.А.Формозова (1997, с. 167-175). Речь идет о реакции Формозова на возобновление украинскими и американскими археологами раскопок знаменитого крымского палеолитического памятника - пещеры Староселье.

Суть претензий АА.Формозова как производителя «старых раскопок» Староселья к авторам «новых раскопок» трудно сформулировать отчетливо. Как можно понять из статьи Формозова, ему хотелось, чтобы к нему обратились и о чем-то его попросили. Содержание возможной просьбы настолько туманно, что можно лишь догадываться, что авторы «новых раскопок» должны были сообщить АА.Формозову о своих планах, попросить советов, может быть, пригласить его к участию в экспедиции, в общем, получить благословение исследователя - предшественника. Но все это можно отнести к этическим нормам очень условно. Основные этические нормы, регулирующие отношения между исследователями, в данном случае не были нарушены. Претензии Формозова к ис-

следователям Староселья 1990-х гг. относятся скорее к этикету, к той расплывчатой границе между тактом и бестактностью, которая всегда будет восприниматься эмоционально и ситуативно.

Мне кажется, что за этой несколько искусственной коллизией просматривается иная проблема, а именно: юридически неверное представление археологов об авторских правах. Это действительно серьезная проблема, на которой стоит остановиться подробно. Она имеет междисциплинарный характер - локализуется на границе права и этики. Поэтому проблема довольно сложна. Но еще хуже то, что, имея бесспорный юридический аспект, эта проблема не только не решена в правовом аспекте удовлетворительно, но и порядком запутана. Имеющиеся попытки ее решения двусмысленны, и неясно, насколько эта двусмысленность произвольна или отражает то отсутствие склонности археологов к рефлексии, которое обусловило многие кризисные симптомы нашей науки.

Примечательны два обстоятельства. Во-первых, авторские права производителей археологических раскопок и разведок определяются не правовым актом, а служебной инструкцией, время от времени публикуемой Институтом археологии как головным научно-исследовательским учреждением Российской Федерации по специальности «археология». Во-вторых, в течение многих десятилетий авторские права держателей Открытых листов вообще никак не регламентировались. Мы тщетно будем искать соответствующие пункты в первых изданиях инструкции, кроме само собой разумеющегося определения «Открытый лист на право производства археологических раскопок и разведок» (см., например: Инструкция... 1963).

Рассмотрим, как трактуется авторское право археолога в именуемых «Положениями» последнем (2001 г.) и предпоследнем (1991 г.) вариантах инструкции. Не вызывает возражений пункт 66 «Положения» 1991 г. и первый абзац пункта 4.8 «Положения» 2001 г.: «Автору научного отчета принадлежит авторское право на это произведение, созданное в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания» (Положение... 1991, с. 15; Положение... 2001, с. 10). Эти пункты по смыслу совпадают со статьей 14.1 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и

смежных правах» (Закон Российской Федерации... 1993, с. 13).

Сложности начинаются с пункта 67 «Положения» 1991 г. и абзацев 2-4 пункта 4.8 «Положения» 2001 г. В них констатируются права автора исследований и отчета на 1) публикацию под своим именем отчета, части отчета и «материалов, полученных при полевых изысканиях»; 2) приглашение соавторов; 3) разрешение другим лицам «опубликовать отчетные материалы или часть таковых, а также отдельные вещевые находки или группу их».

Очевидно, что в «Положениях» нет четкого определения и разделения понятий «отчетные материалы», «материалы, полученные при полевых исследованиях», «вещевые материалы», «материалы» именно в аспекте авторского права. Если исходить из собственно правовых документов, то авторское право в полном объеме относится лишь к отчету - тексту, написанному исследователем и дополненному подготовленными им иллюстрациями. Именно отчет является авторским служебным производением.

Пункт 67 «Положения» 1991 г. («Без разрешения автора отчета любая форма публикации материалов недопустима») закреплял за автором отчета полное авторское право. Это противоречило статье 14.2 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»: «Исключительные права на использование служебного произведения принадлежат лицу, с которым автор состоит в трудовых отношениях (работодателю), если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное» (Закон Российской Федерации... 1993, с. 13). Отмечу, что в сложившейся в СССР и России практике полевых археологических исследований «договор между автором и работодателем» и «предусмотренное иное» являются пустыми понятиями. В промежутке между 1991 и 2001 гг. в Институте археологии обратили внимание на эти противоречия, но не поняли их. Из «Положения» 2001 г. был изъят последний абзац пункта 67 «Положения» 1991 г. В результате за автором сохранилось право «публикации под своим именем» не только «отчета или его части», но и «материалов, полученных при полевых изысканиях». В «Положение» 2001 г. был введен раздел 9 «Пользование отчетами о полевых исследованиях для научной работы» (Положение... 2001, с. 30). Пункты 9.1 и 9.3 хотя бы отчасти умеряют монополистские аппетиты

ты: коллеги авторов отчетов получают право на «использование материалов научных отчетов (не в виде публикации) в научной или иной работе» при «обязательной соответствующей ссылке на отчет», а «автор отчета или учреждение, производившее археологические работы, не могут запретить ознакомление с отчетными материалами».

С другой стороны, пункт 4.8 «Положения» 2001 г., как и пункт 67 «Положения» 1991 г., увязывает с «разрешением автора отчета» такие неопределенные или неразделенные понятия как «материалы, полученные при полевых изысканиях», «отчетные и вещевые материалы», «отчетные материалы и вещевые находки».

Не касаясь пока вопроса об авторском праве исследователя на вещевые материалы, отмечу, что любое расширение авторского права исследователя за пределы авторского права на отчет как авторское служебное произведение противоречит статье 6.4 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», указывающей, что «авторское право не распространяется на идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты (подчеркнуто мной - В.К.)» (Закон... 1993, с. 9). Очевидно, суть тех статей Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», которые могут быть применены в данной области, заключается в том, что автор отчета имеет право препятствовать или протестовать против текстуального воспроизведения отчета как авторского служебного произведения, но его авторское право не распространяется на содержащиеся в отчете «открытия и факты».

Анализ «Положений» Института археологии говорит о том, что их разработчики не проявили необходимой компетентности. Фактически «авторское право» осталось для них недифференцируемым понятием: они предпочли не заметить различий между полным авторским правом и авторским правом на служебное произведение, а также различий между объектами авторского права.

Некоторые проблемы не были поняты авторами «Положений» в полном объеме. Например, то явление, которое Я.А.Шер называет «прорабской археологией», было очевидным уже в 1970-х гг. Разрыв между объемом археологических раскопок и их «нормальной» опубликованностью становился катастрофическим. Я хоро-

шо помню, как на рубеже 1970-х и 1980-х гг. на одном из заседаний Ученого совета Института археологии академик Б.А.Рыбаков предлагал обсудить эту проблему и установить срок, в течение которого право первой публикации сохранялось бы за производителем раскопок. В конце концов это предложение отразилось в пункте 71 «Положения» 1991 г.: «Авторское право на отчет о полевых исследованиях действует в течение 10 лет после проведения работ» (Положение... 1991, с. 16).

Такое ограничение не противоречило неполному характеру авторского права на служебное произведение - последнее может в принципе в интересах дела ограничиваться учреждениями-работодателями. Однако в «Положении» 2001 г. десятилетний или какой-либо другой срок публикации уже не фигурирует. Данное изъятие придает правам производителя археологических исследований объем полного авторского права: если срок авторского права не указывается, то оно действует пожизненно. Более того, новшество 2001 г. противоречит статье 27.1 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»: «Авторское право действует в течение всей жизни автора и 50 лет после его смерти» (Закон... 1993, с. 22). Никак не оговорив срок действия авторского права, авторы «Положения» 2001 г. заложили «бомбу замедленного действия». «Бомба» не взрывается лишь потому, что далеко не все дети археологов становятся археологами, да еще сохраняет справедливость старинный афоризм о том, что «свирепость законов российских смягчается их неисполнением».

Повторяю, что большинство рассматриваемых здесь противоречий будет снято, если будут четко разделены понятия авторского права на текст и иллюстрации отчета, права на использование содержащихся в отчете «открытий и фактов» и права на публикацию происходящих из археологических раскопок вещей.

Особенно актуальны претензии держателей Открытых листов на исключительное авторское право на публикацию вещевых материалов. Эти «монополистские устремления» и «жадность на конкретные материалы» довольно широко распространены и всегда были присущи определенной части археологов. Например, Б.Б.Пиотровский в своих очень честных мемуарах фиксировал их еще для 1938 г.,

когда он с разными результатами общался с Я.И.Гуммелем и Б.А.Куфтиным *{Пиотровский 1995, с. 153, 154}*.

В августе - сентябре 1995 г. директора Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея имени Г.Н.Прозрителева и Г.К.Лправе Н.А.Охонько и Азовского краеведческого музея А.А.Горбенко обратились в дирекцию Института археологии с письмами, в которых указывали на нерешенные вопросы авторского права держателей Открытых листов и на те сложности, которые возникают в этой связи у музеев *{Горбенко 1994, с. 4-7; 1997, с. 7}*.

Музеи являются основными хранителями археологических вещевых коллекций. Именно они испытывают давление со стороны части держателей Открытых листов, пытающихся диктовать музеям, кому и в какой форме может быть открыт доступ к «их» коллекциям. Известны случаи, когда держатели Открытых листов препятствовали ознакомлению других исследователей даже с уже опубликованными вещами, а при подготовке музеями к печати каталогов и другой полиграфической продукции противились репродуцированию «своих находок».

Когда с конца 1980-х гг. ряду музеев начал сопутствовать успех в экспозиционной деятельности за рубежом, стали возникать проблемы с, так сказать, советско-российским колоритом. Хорошо известно, что «невъездной статус» (отсутствие возможности заграничных поездок) у «homo soveticus» имел характер психотравмы. Во всяком случае, это один из лейтмотивов сотен воспоминаний и интервью наших «деятели культуры и науки» об их мучениях при «тоталитарном режиме». Поскольку со второй половины 1980-х гг. юридические препоны резко ослабли, то у «homo postsoveticus» психотравма модифицировалась и превратилась в навязчивую идею заграничных поездок «на халяву» («за счет принимающей стороны»). В итоге некоторые держатели Открытых листов по существу шантажировали музеи, настаивая на том, что только они имеют право сопровождать «свои находки», вывозимые на зарубежные выставки.

Интересно, что при отсутствии дифференциации объектов авторского права все эти претензии не были такими уж смешными и неуместными, ибо формально могли быть подкреплены статьями 15 («Личные неимуще-

ственные права») и 16 («Имущественные права») Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» (Закон... 1993, с. 14-16).

А между тем именно авторское право археологов на вещевые материалы с юридической точки зрения представляется весьма сомнительным. Статья 9 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» (Закон... 1993, с. 10) гласит, что «авторское право на произведение науки, литературы и искусства возникает в силу его создания». Археолог может быть «создателем» древних вещей только в аллегорическом смысле. Он их лишь открывает, а, как указывалось выше, на «открытия и факты» авторское право не распространяется. Уместна аналогия с коллекционером, имеющим право собственности на предметы своей коллекции, но не авторские права. С другой стороны, найденный при археологических раскопках предмет почти всегда анонимен, не связан с конкретным лицом как субъектом авторского права и в этом аналогичен произведениям народного искусства. А согласно статье 8 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» (Закон... 1993, с. 10) «произведения народного искусства не являются объектами авторского права».

Сложившаяся практика ограничения доступа к хранящимся в музеях археологическим коллекциям возникла в основном под нажимом исследователей - держателей Открытых листов. Эта практика противоречит смыслу статьи 44.2 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право... на доступ к культурным ценностям» (Конституция Российской Федерации 1995, с. 17).

Конечно, специалист при работе в музеях тоже может столкнуться с попытками не допустить его к коллекциям и отдельным предметам. Эти не лучшие музейные нравы также возникли не вчера - в некотором роде перед нами дурная музейная традиция *{Пиотровский 1995, с. 46, 80}*. Сию традицию поддерживают некоторые хранители, десятилетиями «сидящие» на коллекциях и считающие их «своими», и музейное начальство, апеллирующее к мифическим «музейным авторским правам» или пытающееся взимать со специалистов мзду за изучение коллекций. Будучи сам музейным работником, могу отметить, что «авторские права музея» - это все-таки «ми-

фологема для внутреннего употребления», тема кулуарного самодовольного «говорения». Реально специалистов не подпускают к фондохранилищам под более конкретными предложениями («хранитель болен», «хранитель в отпуске», «идет инвентаризация», «потерялись ключи» и т.д. и т.п.). Дело в том, что в «глубине души» эти люди понимают, что у музейщиков нет ни имущественных, ни авторских прав на хранящиеся в их фондах предметы. Кроме того, подобных персонажей можно урезонить, используя отечественные и международные правовые документы.

Например, уже упомянутый «Кодекс профессиональной этики ИКОМ (Международного совета музейщиков)» исходит из того руководящего принципа, что «музеи являются общественным достоянием и их ценность для общества прямо пропорциональна качеству оказываемых ими услуг» (пункт 5.1). Конкретно данная проблема регламентируется статьей 7 «Персональная ответственность представителей музейных профессий по отношению к публике». В ней сказано, что сотрудники музейщиков должны «давать внушающим доверие исследователям возможно более полный доступ к любому материалу и документации, порученной им, даже если объект и тема запроса со стороны затрагивает предмет их собственных изысканий и интереса» (пункт 7.2). Аналогичные нормы выражены в пунктах 2.7 («Доступ широкой публики») и 6.4 («Документирование коллекций»). Согласно «Кодексу профессиональной этики» необходимость ограничения доступа к коллекциям и документации может быть обусловлена только «секретным характером экспонатов или соображениями безопасности» (пункт 2.7, также пункт 7.3 «О сохранении тайны») (Международный совет музейщиков 1989, с. 5, 6, 12, 15-17). Действующие инструкции Министерства культуры Российской Федерации по хранению музейных коллекций также предусматривают ограничение доступа специалистов к хранящимся в музее предметам при их плохой сохранности, когда есть угроза ухудшения состояния вещи. Кроме того, в отечественных музеях сложилась практика, когда по отношению к конкретным вещам и коллекциям решением вышестоящего органа может быть установлен режим секретного хранения. Перемещение из побежденной Германии в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина «золота

Шлимана» - один из наиболее известных случаев такого рода. Но эта практика, конечно, не относится к коллекциям, полученным при археологических работах на территории России.

В итоге можно сказать, что выпускавшиеся Институтом археологии служебные инструкции, включая «Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об Открытых листах» 2001 г., в большей или меньшей степени являются результатами компромисса между корпоративными интересами профессиональных археологов и собственно правовыми документами. Этот компромисс популистичен, противоречив и не может быть основой для решения реальных проблем.

Предложенный выше довольно пространственный обзор этико-правовых проблем позволяет, на мой взгляд, сделать и такой вывод: при анализе и правовых, и этических проблем археологии весьма полезно выйти за пределы профессиональной рефлексии и обратиться к специальной литературе соответствующих дисциплин.

То главное и практически бесспорное, что можно извлечь из весьма обильной литературы по проблемам научной этики, состоит в глубинной и необходимой связи науки с объективностью, честностью и этичностью. Объективность и честность как основная этическая норма в наивысшей степени присуща именно научным исследованиям. В этом принципиальное отличие науки от иных видов духовного производства. Например, объективность как универсальная норма вряд ли уместна в художественной литературе, где преобладают «выдуманные истории о выдуманных людях». Еще менее уместна она в искусстве, где во множестве шедевров воплощены религиозно-мифологические персонажи и где с древности до наших дней создавались и создаются нефигуративные произведения.

Поэтому «в самом широком смысле можно сказать, что наука внутренне этична в той мере, в какой она осуществляет идеал объективного познания, сила ее влияния и нравственного воздействия заключается в том, что наука нетерпима ко лжи» (Лазар 1985, с. 81). Это обусловлено самой сутью науки как познавательного процесса: «Научное знание, в той или иной мере, имеет кумулятивный характер - новое знание надстраивается над старым - и если один ученый не сможет доверять положениям другого, то все научное предприятие

окажется под угрозой. Все нормы и правила науки как социального института исходят из представления о честности отдельного ученого и охраняют ее» {Виноградова 1993, с. 5, 6}.

Проблемы профессиональной научной этики очень разнообразны, но можно согласиться с теми авторами, которые группируют их в три основных типа (блока).

Во-первых, проблемы, возникающие в процессе познавательной деятельности, в пределах субъект-объектных отношений.

Во-вторых, проблемы, возникающие при субъект-субъектных отношениях (отношениях «ученый - ученый» и «ученый - научное сообщество»). В этот блок входят этические вопросы общения между учеными, цитирования, полемики, дискуссий, соавторства, отношений в научном коллективе, рецензирования, разумного или оптимального количества публикаций, выбора между собственно научной и «квазинаучной» деятельностью и многое другое. Внутренняя классификация второго типа проблем и отношений может быть очень дробной. Например, в профессиональной этике не только подробно сформулированы нормы соавторства, но и сосуществуют несколько правил очередности упоминания соавторов (по алфавиту, по возрасту, по индивидуальному вкладу в исследование и др.). Но можно согласиться с мнением М.Г.Лазара о том, что все это - «нравственные ситуации, нормы и ценности, связанные не с самим творческим процессом выработки знаний, а с их фиксацией в принятых ныне формах, прежде всего - в публикациях» (Лазар 1985, с. 96).

Третий тип проблем и отношений относится к взаимодействию исследователей, исследовательских коллективов и научного сообщества с обществом в целом. Здесь имеются в виду «нравственные отношения по поводу управления, контроля, планирования, финансирования науки» (Лазар 1985, с. 83-86; Миронова 1994, с. 7).

Проблемы третьего типа связаны со спецификой археологической науки незначительно. Менее уверенно это можно утверждать о проблемах второго типа, но их некоторую «археологическую специфичность» (проблемы авторского права) я попытался рассмотреть в предыдущем обзоре. Поэтому в настоящей статье имеет смысл ограничиться проблемами первого типа, т.е. относящимися к субъект-объектным отношениям.

Различные ученые, начиная с английского математика XIX в. Ч.Бэббиджа, предлагали перечни этических норм исследовательской работы. В XX в. наибольшую известность получили «императивы научного этоса», сформулированные американским социологом Р.К.Мертонем (Виноградова 1993, с. 26-28; Миронова 1994, с. 35-38). В книге «Социология науки» Р.К.Мертон обосновал четыре таких императива: 1) универсализм (объективность знания, его независимость от личности исследователя), 2) общность или «коммунизм» (обязанность ученого делиться своими открытиями с научным сообществом), 3) незаинтересованность (беспристрастность), 4) организованный скептицизм (критическое отношение к любым открытиям и публикациям, непринятие их на веру) (Merton 1973, p. 267-296).

Вскоре Мертон пришел к пониманию амбивалентности этических норм научной деятельности: сплошь и рядом исследователи оказываются перед необходимостью не просто принять этический императив, а сделать выбор, найти компромисс между двумя этическими позициями, причем обе они в равной степени нравственны. Так появился список из девяти пар противостоящих норм: 1) скорейшая публикация в целях приоритета - воздержание от публикации незрелых работ, 2) готовность обсуждать свои идеи - умение их защищать, 3) восприимчивость к новым идеям - неподверженность интеллектуальной моде, 4) тщательное проведение исследований и четкая формулировка результатов - педантизм и упор на формальную строгость, 5) стремление к знанию как можно большего количества работ предшественников и современников - понимание того, что эрудиция не тождественна открытию и «многознание уму не научает», 6) стремление к независимости своих исследований от оценки окружающих - необходимость оценки со стороны научного сообщества, 7) научное знание универсально, «всечеловечно» - оно же является национальным достоянием и индивидуальной заслугой, 8) необходимость обучения нового поколения специалистов (педагогической работы, руководства аспирантами) - такая работа не должна причинять ущерб собственным научным занятиям, 9) важность «школы» (обучения в молодости у выдающегося исследователя - наставника) - необходимость поиска своего пути в науке (Merton 1976).

И сформулированные Р.К.Мертоном, и предложенные другими авторами перечни этических норм научной работы исходят из унаследованного от классической науки представления о «преодолении субъекта» как необходимом условии получения истины. В современном интеллектуальном пространстве, где огромный плацдарм уже захвачен равнодушными к исследовательским методам, но маниакально охочими до самоутверждения деятелями постмодернистского толка, классический принцип «преодоления субъекта», в сущности, остается важнейшим этическим маяком. Именно он позволяет разглядеть этические принципы исследовательского труда ясно и отчетливо. М.Г.Лазар пишет об этом: «Профессионально-этические требования данного этапа научной деятельности традиционно формулируются как логико-технологические и методологические нормы выведения знаний: «ищи истину», «избегай бессмыслицы», «излагай ясно», «ищи интересные гипотезы», «старайся проверять гипотезы как можно более основательно» и т.д.» (Лазар 1985, с. 72).

Почему же при такой ясности профессионально-этических требований мы видим в науке множество отклонений («девиаций») от них? Не в последнюю очередь это связано с расплывчатостью «той грани, которая отделяет свободный выбор ученым стратегии исследования, отбор научных данных, его интуицию и воображение от преднамеренного искажения и фальсификации исследований». Между зонами «профессионально обоснованных суждений» и «научной недобросовестности» находится обширная область «артефактов, возникших из-за методологической некорректности и/или методологической нечеткости при проведении экспериментов» (Виноградова 1993, с. 9, 10). Эта область не только не имеет вида четкой границы между «белым» и «черным», но и сама может быть разделена надвое.

Используя работы специалистов по профессиональной научной этике, а также принятую Национальным научным фондом США классификацию форм недобросовестности в науке, можно по степени соблюдения или несоблюдения этических принципов выделить четыре типа научных публикаций.

I тип - профессионально обоснованные работы, т.е. на данном этапе развития науки воспринимающиеся как серьезные, безукоризненные и вполне приемлемые.

II тип - публикации, содержащие «уважительные» («уважаемые», «добросовестные») ошибки. Это может быть «искреннее заблуждение или ошибка, случившаяся при проведении сложного исследования, несмотря на принятые меры предосторожности» (Виноградова 1993, с. 13). К понятию «добросовестной ошибки» близок термин «эффект экспериментатора» или, по определению А.Кона, «непреднамеренная предвзятость' наблюдений, проистекающая от чрезмерного экспериментаторского рвения» (Kohn 1986, р. 33). То есть мы имеем дело с влиянием исследователя, его установок и предрасположений на ход и результаты опыта, причем эти установки и предрасположения не определяются нравственным уровнем ученого, но в большинстве случаев соответствуют достигнутому уровню научной дисциплины - парадигме, методике, ожиданиям. Может иметь место и «самообман» - «неосознанное желание подкрепить экспериментальными данными уже сложившуюся гипотезу, что ведет к легкому и некритичному принятию поддерживающих эту гипотезу результатов» (Виноградова 1993, с. 11, 12).

III тип - публикации с «неуважительными» («неуважаемыми») ошибками, вытекающими из небрежного, халатного отношения к работе. В отличие от предыдущего типа, авторы таких публикаций не делают все, что обязаны делать, т.е. проводят исследования с нарушением методологических (методических) норм. Но, в отличие от авторов публикаций IV типа, они не нарушают этических норм (Zuckerman 1977, р. 45-87).

IV тип - публикации, в которых проявляется, по принятой в англоязычной литературе терминологии, «девиантное поведение в науке» (deviant behavior in science), то есть явно и намеренно нарушаются этические нормы профессионально-научной деятельности. Проявления «девиантной науки» хорошо известны и неоднократно классифицировались (Виноградова 1993, с. 6, 20-22; Миронова 1994, с. 45-48). Среди них следующие.

1. Фальсификация исследовательских результатов различными способами, в том числе: а) обработка данных (в основном исключение части данных) для того, чтобы они не противоречили друг другу («приукрашивание», «массаж»), б) подгонка данных к ожидаемым («утюжка»),

- в) экстраполяция - выстраивание сложной кривой всего по двум-трем точкам, или, шире, обобщающий вывод при явном дефиците конкретных доказательств, г) «стряпня» - к имеющимся реальным фактам «домысливаются» другие, д) фабрикация или подлог - практически все данные берутся «с потолка».
2. Плагиат - публикация под своим именем чужих работ.
 3. Присвоение чужих экспериментальных данных.
 4. Намеренное нарушение правил проведения экспериментов с людьми и животными.
 5. Нарушение финансовых правил.
 6. Нарушение норм публикации, в том числе: а) «почетное» и «принудительное» соавторство, б) «мультипликация» - неоднократная публикация одного и того же материала, хотя бы и с незначительными изменениями, в) публикация, главным образом с целью увеличения печатных работ, одного исследования малыми порциями («научная нарезка», «салями-наука»), г) нарушение правил цитирования (замалчивание неудобных публикаций, ссылки на непрочитанные работы, заимствование библиографии, фальсификация библиографии и т.п.).

Разумеется, эта классификация может быть дополнена и представлена в ином виде. Но в принципе данный или подобный список полезно использовать и при оценке отдельных публикаций, и для определения морального состояния той или иной научной дисциплины, в том числе археологии.

Если говорить о советской и российской археологии, то в ней трудно найти случаи прямой фальсификации археологических находок вроде подделки Ч.Доусоном и А.Кейтом в 1912 г. останков «пилтдаунского человека» (*Shipman* 1990, p. 52-54).

Но практически полный набор «уважительных ошибок», «неуважительных ошибок» и «девиаций» при непредвзятом анализе всего массива археологических публикаций фиксируется отчетливо. Итогом несоблюдения этических принципов профессиональной научной деятельности являются эффективные, но иллюзорные (недостаточно обоснованные или вовсе

не обоснованные) псевдооткрытия. Среди них «культуры», «культурно-исторические общности», «культурно-исторические горизонты», «древние цивилизации», «индоарийские» и иные «прародины», трансконтинентальные «миграции», «религиозно-мифологические представления» и даже дотоле никому не известные «мировые религии»...Количество этих «артефактов», «конструктов» и «симулякров» явно растет в последние два - три десятилетия. Опасным симптомом является то, что такого рода «эффектничание» вышло за пределы «тезисной археологии» и проникло на страницы авторитетных археологических и этнологических изданий.

Объем статьи дает возможность только назвать эти ставшие уже в какой-то мере типичными псевдооткрытия. Отмечу лишь, что специфической для археологии отрицательной тенденцией, также усилившейся в последние десятилетия, является антиквомания - стремление к максимальному удревнению исследуемых объектов. Насколько я знаю, впервые на это явление обратил внимание и назвал его «эмбриогеническим наваждением» выдающийся французский историк Марк Блок (*Блок* 1986, с. 19-21).

В нескольких публикациях и автор этих строк пытался охарактеризовать эту непреодолимую тенденцию, не считающуюся ни с общепринятыми методами археологического датирования, ни со здравым смыслом (*Кореняко* 1990, с. 4-17; 1994, с. 21-25; 2000, с. 44-46).

В заключение отмечу, что, судя по доступным обзорам, в США и западноевропейских странах проблемы этики профессиональной научной деятельности обсуждаются гораздо активнее, чем в России (Виноградова 1993; Этический кодекс ученого 1980). Применяемые там способы этического регулирования научного сообщества (правовые акты разных уровней, создание этических комитетов, принятие этических кодексов) представляют большой интерес. Вполне возможно, что и российская археология приближается к ситуации, подталкивающей к выработке хотя бы профессионального этического кодекса. Во всяком случае, этот шаг не зависит ни от государства, ни от представителей других научных дисциплин. Российские археологи могут сделать его самостоятельно.

Литература

- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Издание 2-е. М., 1986.
- Виноградова Т. В. Этические проблемы творчества ученого. Научно-аналитический обзор. М., 1993.
- Горбенко А.А. Проблемы развития археологии и музейного дела на Дону // ИАИАНД в 1992 году. 1994. Вып. 12.
- Горбенко А.А. Археология и донские музеи // ИАИАНД в 1994 году. 1997. Вып. 14.
- Закон Российской Федерации об авторском праве и смежных правах. Постановление Верховного Совета Российской Федерации о порядке введения в действие Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах». М., 1993.
- Инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М., 1963.
- Конституция Российской Федерации. М., 1995.
- Коренько В.А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990.
- Коренько В.А. Константин Федорович Смирнов как исследователь // ИАИАНД в 1992 году. 1994. Вып. 12.
- Коренько В.А. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. М., 2000.
- Косарев М.Ф. Археология и нравственность // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация: МНК. Рязань, 1994.
- Лазар М.Г. Этика науки. Философско-социологические аспекты соотношения науки и морали. Л., 1985.
- Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М., 1989.
- Международный совет музеев (ИКОМ). Кодекс профессиональной этики. М., 1989.
- Международный совет музеев (ИКОМ). Кодекс профессиональной этики // ИАИАНД в 1999-2000 гг. 2001. Вып. 17.
- Миринова К.Б. Этика научного сообщества. Курс лекций. М., 1994.
- Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995.
- Положение об Открытых листах на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии Академии наук СССР. М., 1991.
- Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об Открытых листах. М., 2001.
- Профессиональный кодекс социолога // Социологические исследования. № 5. 1988.
- Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. №4.
- Формозов А.А. О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1.
- Формозов А.А. О старых и новых раскопках пещеры Староселье в Крыму // РА. 1997. №3.
- Шер Я.А. Некоторые вопросы археологического образования // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999.
- Этический кодекс ученого. Реферативный сборник. М., 1980.
- Kohn A. False Prophets: Fraud and Error in Science and Medicine. Oxford (New York), 1986.
- Merton R.K. The Sociology of Science. Chicago-London, 1973.
- Merton R.K. The ambivalence of scientists // Boston Studies in Philosophy of Science. Vol. 39. Dordrecht-Boston, 1976.
- Shipman P. On the trail of the piltdown fraudsters // New scientist. Vol. 128. № 1737. London, 1990.
- Zuckerman H. Deviant behavior and social control in science // Deviance and Social Control. Beverly Hills, 1977.